

QUO VADIS, HOMO? (Вместо рецензии)

Чешко В. Ф. Стабильная адаптивная стратегия Homo sapiens. Биополитические альтернативы. Проблема Бога. Монография. Харьков, 2012, 596 с.

Et ait ecce Adam factus est quasi unus ex nobis sciens bonum et malum nunc ergo ne forte mittat manum suam et sumat etiam de ligno vitae et comedat et vivat in aeternum.

И сказал Господь: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не стал жить вечно.

Бытие, 3, 22

Когда мы овладеем всеми этими шарами Вселенной, и всеми их уладами, и всеми их знаниями, будет ли с нас довольно?... Нет, мы пойдем мимо и дальше.

Уолт Уитмен

Совершенно ошибочен взгляд прагматизма, что истина есть полезное для жизни. Истина может быть вредна для устройства обыденной жизни.

Николай Бердяев

Настоящие заметки навеяны чтением рукописи книги известного украинского философа и биолога, иностранного члена РАЕН, проф. В. Ф. Чешко, опубликованной Харьковским издательством [1].

Рискнем утверждать, что уверенность в собственном богоподобии, способности и долге изменить реальность (мир сущего) в соответствии со своими представлениями о некоей идеальной модели этой реальности (мир должного) есть важнейший атрибут адаптивной стратегии человечества на протяжении последних тысячелетий его существования. Но в той же мере стало тривиальностью характеризовать современное состояние нашего мира как кризисное. Об этом говорят

и естествоиспытатели, и экономисты, и политологи, и экологи, и климатологи, и философы. Но каждый из них вкладывает в слово «кризис» свой специфический для их профессиональной сферы смысл. Мы оказались в точке эволюционной кривой бытия *Homo sapiens*, где наблюдается суперпозиция нескольких фаз кризисного развития, каждый со своей амплитудой и своим периодом колебаний, охватывающих разные сферы социоприродной реальности и разные уровни ее организации. В результате этого масштабы кризисных явлений приблизились к верхней границе цивилизационного кризиса и, очевидно, в ближайшие десятилетия приобретут глобально-эволюционную природу.

Фактор, определяющий вектор современного развития техногенной цивилизации, — это переход социальных рисков за грань экзистенциального, ставящего вопрос о существовании человечества или сохранении им того, что называют самоидентичностью, — права по-прежнему называть себя людьми, сохранении преемственности социобиологической эволюции. Мы привыкаем и нас приучают к мысли, что эволюционная и культурная история человека разумного близится к завершению, за которым все отчетливее просматриваются контуры послечеловеческого будущего разумной жизни, трансформации ноосферы в техносферу. Эта проблема всего за 10–15 лет перешла из стадии отвлеченного философствования в период эмпирического, практически прикладного исследования.

Как известно, наука (по крайней мере, естествознание) не содержит в самой себе критериев социальной значимости полученных ею теоретических и практических результатов. Поэтому по мере усиления важности коэволюционных связей научных разработок с судьбами Цивилизации, Культуры, Разума не только методологические принципы и идеи естествознания проникают внутрь социогуманитарного знания (как это было ранее), но и логические конструкты и методологические принципы гуманистики «врастают» в ткань естественно-научных теорий.

Стержнем менталитета Запада выступает стремление человека к некоему предельному идеалу: *per aspera ad astra* — через тернии к звездам. Оно дополняется второй стержневой конструкцией, освящающей и одновременно ставящей пределы этому идеалу: *ad imaginem suam ad imaginem Dei* — по образу и подобию Божьему. К этому необходимо добавить третью составляющую, которая изначально акцентировала богоизбранность, абсолютный приоритет уникальности человеческой личности: *unus ex nobis* — один из нас, — говорит Господь, обращаясь к ангелам, об Адаме — прародителе рода человеческого, отдававшем плод Познания Добра и Зла. Тем самым актуализация стремления сблизить мир Сущего и мир Должного получает характер движения к Абсолюту, конечной цели («точке Омега», как назвал ее П. Тейяр де Шарден).

Ныне концепт «по образу и подобию» утрачивает свое системоформирующее значение по отношению к ментальности современного человека. Концепт «один из нас» претерпел радикальную трансмутацию и теперь воспринимается как абсолютизация индивидуальности каждого экзистенциального жизненного проекта каждого человеческого существа. И при этом мы получаем в свои руки техническую возможность осуществления самых радикальных актов самоконструирования — своего тела, своего сознания, своей природной и культурной среды обитания. Эта возможность предоставляется тем, что в книге

называется технологиями управляемой эволюции, или High Hume технологиями.

Структура генно-культурного и технокультурного баланса современной цивилизации покоится на иной мировоззренческой триаде:

- 1) *per aspera ad astra* — через тернии к звездам;
- 2) *unus ex nobis* — один из нас;
- 3) *my body is my choise* — мое тело — мое дело.

Эта взрывчатая смесь абсолютного индивидуализма грозит взорвать линию антропогенеза астросферой индивидуальных экзистенциальных проектов, что будет означать конец человечества как некоей целостности разумных существ. (Во избежание неправильного толкования: речь не идет о приятии или неприятии известного лозунга феминистского движения.) Автор книги имеет в виду нечто другое — свойственную современной западной цивилизации антиномию индивидуализма и гуманизма, которая в условиях общества риска чревата антагонизмом и деконструкцией системы обеспечения общечеловеческой самоидентичности. Экстремальный феминизм и экстремальный феминизм оба являются частными проявлениями разрушения связки репродуктивных и сексуальных поведенческих стереотипов, т. е. общей дестабилизации стабильной адаптивной стратегии человечества. Лозунг «мое тело — мое дело» в новом социокультурном и мировоззренческом контексте означает практически ничем не ограниченную возможность произвольного конструирования собственной психосоматической субстратной основы.

Таким образом, одним из наиболее существенных и мощных системоформирующих факторов эволюции современной цивилизации становится то, что автор называет глобальной биополитикой.

Предмет биополитики как междисциплинарной области исследования можно определить как изучение феномена биовласти. Под ним в современной социологической и политологической литературе понимается способность (прямая или опосредованная общественным мнением, СМИ, массовой культурой и ментальностью) властных структур социума контролировать отправление биологических функций отдельных индивидуумов и манипулировать этим процессом.

Концептуальный каркас настоящих очерков составляет несколько постулатов, вытекающих из модели стабильной эволюционной стратегии *Homo sapiens*, включающей суперпозицию трех основных типов адаптаций — биологических, культурных и технологических:

1. Наличие в техногенной цивилизации двух автономных подсистем — собственно индустриальной и аграрной (суб)цивилизации.
2. Расслоение научного знания в обществе риска на опасную и предупреждающую науку.
3. Замещение/вытеснение логико-эмпирической верификации верификацией социальной и,

как следствие, неизбежная идеологизация и политизация современного (человекомерного) естествознания.

4. Переход общества риска в следующую фазу — управляемой эволюции.

Рассматривая реалии прогресса технологий управляемой эволюции в социополитическом контексте общества риска, автор приходит к выводу о наличии двух устойчивых аттракторов будущей эволюционной истории земной цивилизации:

— постгуманизм — самоконструирование разумной жизни, почти неизбежно связанное с концом биологической истории *Homo sapiens*;

— новое Средневековье — коллапс техногенной цивилизации.

Обсуждаются перспективы третьего пути — социополитическое регулирование и контроль техногенеза (наиболее адекватным брендом этого пути, на наш взгляд, было бы «*Дао биоэтики*»), поскольку именно биоэтика, с точки зрения авторской концепции, служит вербально-логическим конструктом, способным потенциально заменить религиозную идеологию как элемент, обеспечивающий единство человечества и преемственность социокультурной наследственности.

В числе важных выводов, сделанных в книге, отметим два, имеющих принципиальное значение для современной концепции научного познания.

Первый касается расслоения единого в классической науке процесса научного познания на две составляющие — «*опасное знание*», которое отвечает изначальному вектору эволюции техногенной цивилизации — преобразованию мира соответственно идеальному образу желательного будущего; и «*предупреждающее знание*», социальная функция которого — выявление и расчет рисков, порождаемых «научно-техническим прогрессом», т. е. «опасным знанием».

Второй касается инкорпорации в современное естествознание неустранимых впоследствии ценностных элементов. Как следствие, во-первых, достоверность и обоснованность современных научных теорий, а не только технологические разработки становятся предметом публичного обсуждения. Структура научной теории меняется, наиболее адекватной ее моделью становится полицентрическая сеть (интерпретационная теория), а не аксиоматическая (дедуктивно-иерархическая) система. И, во-вторых, процедура верификации не только в социогуманитарных, но и в естественных науках выходит на первый план.

Этот, казалось бы, сугубо эпистемологический вывод имеет самые существенные политические аспекты. Социальная верификация, в отличие от ее позитивистского аналога — верификации эмпирической, — это процесс, далекий от линейной однозначности, исход его предсказать трудно.

Политизация современной науки становится фактом. То, что казалось локальными эпизодами российско-советской истории (лысенковщина, например), ныне выглядит «всего лишь» экстремальным проявлением социальных реалий техногенной цивилизации в эпоху информационных и биотехнологий. А следовательно, результат и течение научно-технологического развития все более становятся ареной столкновений манипуляционных технологий Власть → Наука, Наука → Власть, Научная школа I → Политическая партия I → Научная школа II и т. д.

Коммерциализация и политизация науки, таким образом, служат дополнительным источником политических и цивилизационных коллизий, источником социального риска.

В целом понимание идей, составляющих содержание книги, требует серьезных усилий, это — предмет не для легкого чтения, но, преодолев этот барьер, оторваться от чтения становится все труднее и труднее.

В конце концов, принимая на себя сознательную ответственность за перспективы собственной эволюции, человечество вступает в новую эпоху и оказывается перед лицом трагических конфликтов и жестоких чудес «научного прогресса». Все это неизбежные спутники вечного стремления человечества к Счастью и Добру, Свободе и Справедливости. По своему могуществу человечество становится равным Богу, и переложить ответственность за последствия своего незнания, эгоизма и легкомыслия больше не на кого... Устоим ли мы — носители Разума — перед иррациональными последствиями использования тех сил, которыми овладели, чтобы выжить? Никто, кроме нас и наших потомков, не ответит на эти вопросы. Чтобы выжить в этом мире, надо его исследовать и уметь изменять. Такова судьба и предназначение Человека во Вселенной. Высокая и трагическая судьба. Иной нам не дано...

В. И. ГЛАЗКО
академик РАСХН,
доктор сельскохозяйственных наук,
профессор